

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

не только уходит от текста, но подводит нас к другому тексту.

Из-за существующих в подобных стихотворных текстах некоторых современных индонезийских поэтов многозначности, многоплановости очень велики соблазн и возможность произвольного их толкования. По причине особенной сложности текста этих стихотворений Сапарди Джок Дамано я не могу считать свою интерпретацию единственно и абсолютно правильной. Но если мне удалось, полемизируя с другим исследователем, приблизиться к постижению смысла текста, устанавливая в процессе полемики истинное значение отдельных слов и строк, - я могу считать свою задачу хотя бы отчасти выполненной.

1. A. Teeuw, *Tergantung pada kata*, Pustaka Jaya, 1980.

2. В переводах мы придерживаемся знаков препинания оригинала, где они отсутствуют в конце стихов. Интерпретация А.Тэу следует только из его анализа, поскольку он не дает перевода на другой язык, рассматривая стихотворения только в оригинале; A. Teeuw, *Tergantung...*, pp. 95-96.

А.Д.Бурман

БУДДИЙСКИЙ ЦАРЬ БОГОВ В ТЕАТРЕ И ДРАМАТУРГИИ БИРМЫ

В данном сообщении сделана попытка обобщить данные о становлении культа Тиджамина в системе бирманского буддизма и на конкретных примерах показать, каково было отражение этого культа в бирманской драме, каким образом в бирманской религиозной системе сформировался образ буддийского царя богов Индры - Сакки - Тиджамина?

Известно, что Индра - это один из наиболее могущественных богов ведийской мифологии, который повелевает божествами среднего мира (атмосферы), связан с дождем и громом, борется своим волшебным оружием - ваджрой против демонов-асуров. Согласно толкованию Ф.Кэйпера, Индра является творцом мира: своей ваджрой он разделяет небо и землю, а, победив Вритру, высвобождает воды жизни. В последующие периоды развития индийской религиозной мысли Индра теряет свое первостепенное значение и, в конце концов, становится лишь локапалой - одним из четырех хранителей стран света.

Значительная трансформация образа Индры происходит в буддизме. Здесь он под именем Сакка (от одного из его санскритских эпитетов - Шакра - "могущественный") становится повелителем буддий-

ких богов на небесах Таватимса. Небеса Таватимса – это вторые из шести небес Камалоки – чувственного мира, или мира страстей и желаний, одного из трех миров буддийской космологии. Для того чтобы стало ясно, как они соотносятся друг с другом, необходимо сказать несколько слов о космологических представлениях бирманцев, принятых ими вместе с буддизмом.

Согласно буддийской космографии, все существа обитают в трех мирах, находящихся один над другим: в Камалоке – мире страстей, Рупалоке – мире формы, где боги лишены желаний и страстей, но еще имеют материальные очертания и Арупалоке – мире без формы, где боги становятся нематериальными и наслаждаются вечным блаженством. В Камалоку входят четыре стадии наказания и семь ступеней счастья.

Четыре стадии наказания находятся в самом низу иерархической лестницы – в них входят ад, мир теней, мир падших богов – асуров, и высший из них – мир животных. Все они располагаются у подножия центра вселенной – горы Мьинмоу (Меру). В четырех стадиях наказания существа расплачиваются за дурные деяния, совершенные ими в прежних перерождениях.

Над ними возвышается представляющий первую ступень счастья мир людей, обитающих на одном из четырех островов, расположенных вокруг горы Меру. Этот мир замечателен тем, что в нем живые существа обретают сознание и, следовательно, могут найти путь к спасению, т.е. к прекращению круга перерождений, нирване.

Далее следует шестинебесная страна натов. Небесные наты или боги (которые называются натами Будды в отличие от местных натов, обитающих на земле) наслаждаются радостью и счастьем благодаря своей карме. Однако они еще подвержены страстям и суетным стремлениям и могут переродиться в мире людей.

Небеса Таватимса, представляющие собой третью ступень счастья после мира людей и небес Чатумахараджика, располагаются на вершине горы Меру, и буддийская космография помещает в их центр волшебную столицу Судассана (санскр. Сударшана), где Индра-Сакка правит 33-ею богами (слово Таватимса означает – "принадлежащие к 33-ем"). Поскольку боги шести небес Камалоки не так уж сильно отличаются от людей, входя в колесо перерождений, то Индра, заняв свое место в буддийской религиозной системе под именем Сакки, из могущественного ведийского бога становится повелителем низших божеств, стоящих лишь на ступень выше человека на лестнице перерождений.

Любопытно, что различные стадии развития образа Индры в индийской религиозной мысли оказались одновременно существующими в синхронном срезе бирманской культуры. Мало того, в бирманской

культуре на Индру-Сакку была возложена еще одна обязанность - персонажа анимистического культа, и главы духов-натов, и он стал, таким образом, верховным божеством бирманцев. Так Индра-Сакка увенчал собою пирамиду бирманского буддизма, который на деле представляет собой сложный синкретический комплекс различных верований - анимистических, индуистских и брахманистских, махаянских и других, заключенных в буддийскую оболочку. Хотя бирманцы считают себя буддистами ортодоксального толка, регулярно посещают пагоды и совершают жертвоприношения монахам, в повседневной жизни они активно вовлечены в магию-ритуальную обрядность, связанную с верой в духов, поклонением индуистским божествам, астрологией и магией, которая находится в ведении брахманов. В XI веке, после принятия в Бирме буддизма в качестве государственной религии, культ 37 главных духов-натов был включен в официальную религиозную идеологию царского двора, причем во главе этого пантеона был поставлен правитель 33-х буддийских богов небес Таватимса.

По мнению некоторых исследователей сам культ 37 главных натов был построен по образцу, принятому в монском государстве Пегу, расположенном на территории древней Бирмы еще до создания первого государственного объединения бирманцев - Паганской империи.

Согласно концепции английского ученого Х.Шорто, в древнем монском государстве существовала своеобразная религиозная система, которая освящала сложившийся порядок административного деления: федерацию 32 княжеств во главе с правителем и 4-мя военными предводителями. По форме эта система соответствовала индуистско-буддийской картине мира, где к 33-м божествам небес Таватимса присоединялись четыре локапалы - стражи стран света, обитающие, по буддийским космологическим представлениям, в небесах Чатумахараджика.² В иерархии буддийских небес Чатумахараджика занимает среднее положение между миром людей и небесами Таватимса. Может быть, вследствие своей непосредственной близости к миру людей, и локапалы Чатумахараджики и боги небес Таватимса считаются покровителями людей и постоянно фигурируют в мифологии, фольклоре и литературе, непосредственно вмешиваясь в жизнь социума.

Поскольку у монов, так же как и у бирманцев, был принят культ духов, то на высшем уровне административной системы выделялись соответственно 36 духов предков, хранителей местных династий и владений, во главе с духом главного правителя. В Бирме 36 духов были избраны из сонма бирманских натов в соответствии с монским образцом и в упорядоченном виде введены в систему бирманского буддизма. Их глава Индра-Сакка получил у бирманцев имя Таджамин (досл. -

государь Таджа; Таджа – бирманская транскрипция имени Шакра или Сакра, как его называли в Бирме). Народная этимология переосмыслила Таджамина в Тиджамина, что означает – "Все видящий и все слышащий государь". Действительно, в буддийской мифологии Тиджамин является главным покровителем людей и если в человеческом обществе происходят какие-либо неполадки, требующие его немедленной помощи, изумрудный трон царя богов раскаляется так, что на нем становится невозможно сидеть. Тогда Сакка-Тиджамин поневоле спускается из своего небесного дворца под деревом Кати и наводит порядок на подвластной ему территории. Например, в кукольном театре всегда соблюдается такая условность: Тиджамин, появляясь на сцене, спускается сверху экрана (подобно *deus ex machina* греческой трагедии), чтобы спасти героиню, сообщить тайну рождения героя или внести ясность в запутанный конфликт; остальные персонажи выходят с правой или левой стороны экрана, в зависимости от своего статуса.

Одна из обязательных сцен бирманского кукольного театра – это сцена дворцовой аудиенции, где царь держит совет с четырьмя министрами. По бирмански они называются "минджилейба", что является точной калькой с палийского "чатумахараджа" – четыре махараджи или четыре великих царя. Согласно сообщениям бирманских исследователей, в устной театральной традиции четыре министра ассоциировались с четырьмя махараджами или локапалами, стражами стран света на небесах Чатумахарджики и связанными с ними четырьмя природными стихиями (землей, водой, огнем и воздухом (ветром)³), что можно рассматривать как еще одно подтверждение гипотезы Х.Шорто. Соответственно, земной царь, как на сцене, так и в жизни соотносился с небесным царем богов Тиджамином.

В бирманской культуре Индра-Сакка-Тиджамин выступает в трех своих ипостасях: как могущественный ведийский бог Индра, продолжая тем самым ведийскую традицию, как буддийский царь богов Сакка, отражая традицию ортодоксального буддизма, и как глава духов Тиджамин, сконцентрировав вокруг себя самую древнюю и наиболее живучую традицию анимистических верований.

Эти концепции нашли отражение как в реальной действительности бирманского общества, так и в драматургии и на театральной сцене. Например, сопоставление обязательной прологовой сцены перед спектаклем бирманского театра с пурварангой – прологом санскритской драмы, известным нам по древнеиндийскому театральному трактату "Натьяшастра", показывает, что между ними имеются определенные соответствия. В бирманском и санскритском вариантах

пролога символически воспроизводится сцена сотворения мира. Ее кульминационным пунктом является нисхождение в центр сцены Индры (в санскритском варианте) и Индры-Тиджамина (в бирманском варианте), которые исполняют в этот момент свои мироустроительные функции. Хотя в санскритском варианте символически разыгрывается ведийский миф творения, а в бирманском - буддийский, тем не менее, главное действующее лицо бирманского пролога - Тиджамин по своим характеристикам соответствует скорее ведийскому Индре, нежели буддийскому Сакке.⁴

Археологические раскопки, проводившиеся недавно в Бирме, показывают, что ведийская концепция творения была знакома предкам бирманцев. Сцена сотворения мира, построенная по ведийской схеме, изображена на древних бирманских монетах, обнаруженных у храма Бободжи в Шрикшетре - государстве народа пью, первой волны тибето-бирманцев, от которых бирманцы во многом заимствовали свою культуру.⁵

Некоторые черты Индры как ведийского божества нашли отражение в текстах драматургических произведений XIX века. В них бирманский государь характеризуется как получивший от Индры волшебное оружие варазейн (бирманская транскрипция палийского выражения "ваджиро джино" - "победоносная ваджра [Индры]"), получивший в дар от Индры оружие саджа (бирманская транскрипция слова "чакра"), родившийся с волшебным оружием Индры и т.п. Государь, в качестве заместителя Индры на земле определяется как "воздвигающий стяг", "древко знамени высотой в кукка" (мера длины), "воздвигающий победоносное знамя Индры", титулуется как "столп в центре вселенной", "дерево в центре мира, поддерживающее небеса" и т.д. В этих определениях на первый план выступают характеристики Индры как победителя демонов-асуров, а также мироустроителя, т.е. они соответствуют скорее ведийскому, нежели буддийскому контексту.

Столь же часты в драматургии упоминания об одном из главных символов царской власти в Бирме - белом слоне Айравата. Слон Айравата, который является ваханой (ездовым животным) Индры, согласно преданию, обитал в Бирме, и именно в честь него названа главная водная артерия Бирмы - река Иравади. Символика Айраваты как ваханы ведийского Индры связана с дождями и плодородием почвы. Возможно, именно с Индрой, как небесным покровителем бирманского государя, ассоциируются такие его функции, как регуляция космических сил и природных явлений, власть над дождями и ветрами, способность управлять урожаем. Они нашли отражение и в этикете царского двора - например, вплоть до конца XIX века (пока бирманская

империя не распалась под ударами англичан), правители Бирмы проводили церемонию вызывания дождя во время засухи и обряд ритуальной пахоты для стимуляции плодородия почвы. Отсюда такие определения царя в драматургии, как "тот, у кого ветры и дожди приходят регулярно и в срок", "кхаттия – господин урожая" и другие.

Следы древнеиндийской кшатрийской обрядности сохранились в одном из важнейших придворных ритуалов – церемонии коронации, которая называлась "махаиндабитей" (абхишека великого Индры) и исполнялась 8-ю придворными брахманами, опрыскивавшими царя священной водой из кувшинов "кумбха".

Столь же существенными в сознании бирманцев были связи бирманского государя с буддийским царем богов Саккой. Земной царь и царь богов мыслились как правители микрокосма и макрокосма. Государство являлось как бы моделью вселенной, а его столица во всем напоминала обитель Сакки на вершине горы Меру. Последняя столица бирманских правителей – Мандалай (ее название происходит, скорее всего, от слова "мандала" – графического обозначения вселенной) была сооружена в форме четырехугольника, в центре которого располагался дворец, а посередине его – трон, официально именовавшийся "центром вселенной", олицетворяя собой центр буддийской вселенной – гору Меру. Над тронном возвышался семиярусный шпиль "пьята", где семь ярусов символизировали семь ступеней счастья, включающих мир людей и шесть небесных миров Камалоки. К трону были прикреплены изображения солнца, луны и планет, якобы вращающихся вокруг горы Меру, а на ступенях трона стояли изваяния 33-х божеств небес Таватимса. В потолке над тронном находилось специальное отверстие "Тиджапау" (отверстие для Тиджамина), через которое, по представлениям бирманцев, мистически проникал Сакка-Тиджамин, чтобы отождествиться с бирманским государем. Царь, восседавший на троне, был как бы земным воплощением Тиджамина, отсюда такие его определения в драме: "облеченный доверием Сакки", "получивший покровительство Сакки", "лотос Сакки", "тот, кому Сакка вручил символы власти" и т.д.

И, наконец, хотелось бы очертить образ Тиджамина, как повелителя духов-натов, рассмотреть его функции в анимистическом контексте. Здесь нам придется снова вернуться к прологу бирманского театрального представления, где помимо ведийской и буддийской обрядности можно найти явные следы шаманского комплекса. Танцовщица, которая в прологовой сцене просит Тиджамина спуститься на землю, чтобы благословить ее, называется "накадо" (супруга ната). Так в Бирме называют профессиональных заклинательниц духов, которые со-

единяются с духом, входят в транс, а затем прорицают судьбу всем желающим, либо лечат больного.

В прологе накадо обращается к Тиджамину с инвокацией, сходной по своей структуре с шаманскими призываниями. Затем, танцуя, она начинает мелко дрожать всем телом, изображая любовный союз с Тиджамином и вхождение в транс. Можно полагать, что в этой сцене актриса воспроизводит шаманский ритуал, где Тиджамин выступает в качестве духа, спустившегося с небес на землю по призыву шаманки.

Представляется, что пытаясь проследить процесс становления культа Индры-Сакки-Тиджамина в Бирме, мы можем наблюдать, как происходила в бирманской культуре ассимиляция новых религиозных концепций, которые для простых бирманцев облекались в старую форму привычных, освященных древней традицией верований.

-
1. Будда бада эбидан(словарь буддизма). Рангун, 1969, с. 82-85, II0-III, I25-I29, 253-255.
 2. H.L.Shorto. The 32 myos in the medieval Mon kingdom. BSOAS, XXVI, 3. London, 1963; он же. The Dewatau sotāpan: a Mon prototype of the 37 nats. BSOAS. XXX, I. London, 1967.
 3. Эйдэпьяза нэ апхэйзоун (Предисловие к пьесе "Водонос"). - У Поун Ня. Эйдэпьяза (пьеса "Водонос"). Рангун, 1955, с. 3.
 4. Более подробно см.: А.Д.Бурман. Кадопвэ и пурваранга. III и ПИЧНВ, XXI, ч. П, М., 1988.
 5. M.Mitchiner. The Cosmogonical Scene Depicted on some early Burmese "Symbolic" Coins. - East and West. Is. MEO. New series. nov. I-3. Sept. 1984, Rome.
 6. Более подробно см.: А.Д.Бурман. Стандартные формулы обращения и шаманские призывания в бирманской драме XIX в. III и ПИЧНВ, XX, 1985, ч. П. М., 1986.

Литература

- У Поун Ня. Лэйвэй синсамья (Избранные произведения). Рангун, 1968.
- У Чин У. Дэйвакоунбанпьяза (пьеса "Дэйвакоунбан"). Рангун, 1932.
- У Чин У. Папахейнпьяза (пьеса "Папахейн"). Рангун, 1928.
- У Чин У. Махопьяза (пьеса "Махо"). Рангун, 1920.
- Схая Тин. Талавадимьитамайн (пьеса "История реки Талавади"). Рангун, 1898.